

И в горе, и в радости

Как всё-таки стремительно мчится время! Более 20 лет стою за учительским столом, а, кажется, будто вчера сама была ученицей этой же Бичурской средней школы, с которой связан большая часть моей жизни. Память детства... у неё свои законы. Не всегда сохраняются причинно-следственные связи, но обязательно остаются живые картинки, эпизоды, люди. Сколько помню себя, дом моего деда- старого забайкальского охотника - и отца всегда был открыт для друзей: русских и бурят. Много разных людей в доме - одно из самых ранних детских воспоминаний. В нашей семье всегда любили песню. О чём была песня моего детства? О «диких степях Забайкалья» и о том, как «боец молодой вдруг поник головой», об украинской дивчине Гале, грузинке Сулико и русской Катюше. В общем, это была песня о мире и дружбе, о счастье жить в той стране, где правит добро и где «слово гордое «товарищ» нам дороже всех красивых слов». Семья, школа, комсомол, весь уклад нашей жизни воспитывают уважительное отношение к людям разных национальностей, чувство солидарности с борцами за свободу. Эти качества с детских лет становятся органической частью облика советского человека. Школьные годы моего поколения совпали с войной и послевоенными годами. Мы слышали слово «Родина» из сводок Совинформбюро. Сейчас наши дети первым пишут слово «мама», а мы выводили слова «мир» и «папа», потому что папа был на фронте, и ему нужно было писать письма. И пусть на земле моей Бурятии не рвались бомбы и снаряды, пусть её не перечёркивала линия фронта, но война была и здесь. Она звучала в голосе Левитана, доносящемся из памятной чёрной тарелки репродуктора. Война была в хлебных карточках, которыми в те годы делились русские и белорусы, таджики и украинцы. Я помню эти карточки, помню, как мы, дети, крепко сжимали их в кулаке, стоя в плотной молчаливой очереди за хлебом. После занятий шли в поле - собирать колоски. А потом, на уроке нам давали задачу. И в ней шла речь тоже о хлебе, уже тогда мы усвоили, что потеря только одного колоса на квадратном метре - это потеря нескольких миллионов тонн по стране. Отголоски войны доходили до далёкого забайкальского села вместе с эвакуированными сюда детьми. Тысячи людей разных национальностей прибыли к нам в Бурятию. И здесь делились с ними кровом, всем, чем могли. Мы хорошо знали военное слово «эвакуация». Тогда в одном только Бичурском районе было три (целых три) детских дома. Война собрала сюда детей отовсюду. Помню, уже в конце сороковых годов на районных смотрах детской художественной

самодеятельности «Лезгинку» танцевали мальчики с Кавказа, а «Лявониху»-девочки-белоруски. Рядом с нами жила семья, эвакуированная из блокадного Ленинграда. С Ирой Шиккер и другими детьми мы играли на улице нашего детства. До сих пор я не могу уйти отсюда. До сих пор кажется, что ничего нет на свете вкуснее и ароматнее печённой в золе картошки, которой побратски делились между собой соседи. Много лет спустя мы с мамой разыскали семью Ольги Петровны Шиккер. И я, уже взрослая, с волнением слушала рассказ старой ленинградки о том, как приютила её Бурятия, как обрела он здесь верных друзей. «В то время,- вспоминала Ольга Петровна, - во многих бурятских семьях можно было увидеть белокурые головки усыновлённых и удочерённых детей». А сыны Бурятии воевали в белорусских болотах, освобождали украинские города и молдавские сёла. Чужой беды и чужой земли для нас не было. В классе, где я училась, были и татары, и евреи, даже черкешенка. Но не припомню ни одного случая из школьной, а позже студенческой жизни, чтобы между русскими и бурятами, между ребятами других национальностей был бы какой-то антагонизм. И позже, учась в пединституте в Улан-Удэ, мы дышали воздухом подлинно интернационального города. Здесь всё говорит об этом. И причудливая архитектура, где соединились бурятские и русские мотивы, и лица людей, и многонациональные говоры. Об этом молчаливо, но выразительно свидетельствуют даже улицы. Бурятский пединститут носит имя Д.Банзарова и расположен по улице его же имени. А новое здание - на улице Смолина, участника гражданской войны, уроженца Бичурского района. Здесь в пединституте начинает свой путь в педагогику разнонациональный отряд студентов. Город моей юности. Он напомнил о горячих спорах в студенческих аудиториях, о наставниках, преподавателях А.А.Абрамове, Н.П.Егунове, О.А.Нечаевой, А.Б.Соктоеве, Д.Б.Кацнельсон, о многих других, кто на своих лекциях решал и решает не только образовательные задачи, но и воспитывает в студентах «чувство семьи единой». Многие годы я веду переписку с учителями краёв и областей. Мы обмениваемся своими идеями, методическими пособиями, различными карточками-заданиями. Словом, жизнь одарила меня дружбой со многими хорошими людьми. Друзья-учителя есть и дома, и за тысячи вёрст от нас: в белорусском городе Пружаны и в Свердловске, в Казахстане и на Сахалине, в Кривом Роге и в Эстонии. Это и есть незримые нити, которые связывают людей в наше время, и, кстати, все получаемые мною. Письма- на русском языке. Не только потому, что их авторы- учителя русской словесности. Русский язык стал вторым родным языком для многих народов СССР. На языке, который мы преподаём, говорят сегодня миллионы людей на земле. И это авторитет Советского государства.

В классном журнале моего 6 «б» с привычными бичурскими фамилиями-фамилии Люды Климанскайте, Альбины Ермоленко, Ларисы Ломидзе. Обычное явление - интернациональный класс. Люда Воробьева была удостоена чести представлять Бурятию на Всероссийском литературном празднике под девизом «Единой дружбой сильны» на слёте юных этнографов. «Мы жили в «Орлёнке» одной большой семьёй,- рассказывает Люда.- В нашем отряде были ребята из Мордовии, Чувашии, Якутии, Чукотки. Девочка показывает сувениры друзей - рязанское кружево, чувашскую меховую сумочку, открытки о Чукотке, К..? Но самый главный подарок, конечно же, новые друзья во всех концах страны. Иние встречи с ними, которые они назначили на 25....1985 года, в шесть часов вечера. Место встречи - Москва, Красная площадь. И я верю, что ребята соберутся вместе, потому что мы - единая семья.

Н. Коробенкова